

Возрастные различия в представлениях о будущем от подростничества до взрослости

Шилова Н.П.

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1511-840X>, e-mail: npshilova@outlook.com

Представлены материалы эмпирического исследования, полученного на выборке (N=1538) в возрасте от 14 до 28 лет, из них: подростковый возраст (14 лет) — 304 человека, ранний юношеский (15—18 лет) — 500 человек, поздний юношеский (19—23 года) — 381 человек, возраст молодости или возникновения взрослости (24—28 лет) — 383 человека. Работа была направлена на установление характера возрастных изменений образа собственного будущего в современной социальной и культурной ситуации в период от подростничества до взрослости. Использовались методика И.С. Кона «Я через 5 лет» и методика незаконченных предложений Ж. Нюттена. Обработка данных осуществлялась с помощью дисперсионного анализа ANOVA и кластерного анализа методом Уорда (программный пакет «R»). Новизна проведенного исследования заключается в выявлении возрастных различий в представлениях о будущем в период от подросткового возраста до возраста молодости. Полученные результаты дают возможность говорить о том, что формирование образа будущего зависит от возраста. Подростки видят будущее как то, что с ними «случится», юноши/девушки формируют цели и представления о счастливой семье, затем формируют связи своих возможностей со временем, в периоде возникновения взрослости человек через представление о будущей профессиональной деятельности осознает образ своей семьи и своей личности. Приводятся свидетельства того, что подростки рассматривают будущее внутри своего социального института, юноши и девушки строят свое будущее исходя из следующего этапа социальной жизни, а респонденты периода возникновения взрослости будущее воспринимают как продолжение настоящего.

Ключевые слова: юношество; подростничество; период возникновения взрослости; взросление; образ будущего; временная перспектива; динамика в представлении о будущем.

Для цитаты: Шилова Н.П. Возрастные различия в представлениях о будущем от подростничества до взрослости // Психологическая наука и образование. 2023. Том 28. № 3. С. 62—74. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2023280305>

Age Differences in Perceptions of the Future from Adolescence to Adulthood

Natalia P. Shilova

Federal Service for Supervision of Education and Science, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1511-840X>, e-mail: npshilova@outlook.com

The study is aimed at studying ideas about the future. The materials of an empirical study obtained on a sample (N=1538) aged 14 to 28 years are presented. We use the method of I.S. Cohn "I am in 5 years" and the method of unfinished sentences Zh. Nyutten. The results obtained make it possible to say that there is a certain sequence in the formation of the image of the future: teenagers see the future as something that will "happen" to them, boys/girls form goals and ideas about a happy family, then form connections of their capabilities with time, and young people through the idea of future professional activity realize the image of their family and their personality. There is evidence that teenagers consider the future within their social institution, boys and girls build their future based on the next stage of social life, and young people perceive the future as a continuation of the present.

Keywords: youth; adolescence; emerging adulthood; growing up; the image of the future; time perspective; dynamics in the idea of the future.

For citation: Shilova N.P. Age Differences in Perceptions of the Future from Adolescence to Adulthood. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2023. Vol. 28, no. 3, pp. 62—74. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2023280305> (In Russ.).

Введение

Размышления о будущем имеют перво-степенное значение для подростков, юношей и девушек. Думать о будущем и действовать в соответствии с ним — это пожизненная задача, но именно в юношестве она получает значительное развитие [1; 4; 14; 17]. В настоящем исследовании рассматриваются изменения в представлениях о будущем от подростничества до начала взрослости, характеризующие современных юношей и девушек. Временная перспектива будущего является разновидностью когнитивной мотивации личности, характерной для понимания человеком своего будущего и его планирования, а также она может влиять на поведение личности в настоящем через формирование целей и осознание достижений [23]. Предыдущие исследования показали, что временная перспектива будущего может положительно влиять на академическую

успеваемость, на стратегии обучения и образовательные результаты [12; 13; 26] и отрицательно — на зависимость от интернета и другие виды зависимостей [16; 25]. Люди с хорошо развитой временной перспективой способны жертвовать сиюминутными выгодами в пользу долгосрочных результатов, и эта способность откладывать сиюминутные удовольствия позволяет им добиваться более высоких результатов [19].

Недостаток позитивной ориентации на будущее может препятствовать достижению задач развития и быть серьезным фактором риска, потому что временная перспектива имеет решающее значение для благополучия, мотивации и поведения [5; 20; 24]. Представления о будущем — это важная часть жизни любого человека, при этом само понятие «психологическое будущее» обращено к когнитивной сфере и связано со зрелым отношением индивида к времени собствен-

ной жизни [2]. Длительность «ожидаемого будущего» значимо влияет на поведение человека в настоящем времени и значительно увеличивается в юношестве [7]. Временные категории или рамки связывают личный и социальный опыт, придают смысл, порядок и согласованность жизненным событиям, влияют на способность предвидеть и планировать будущие желаемые результаты. Временная перспектива относится к мыслям, идеям и чувствам, которые люди испытывают по поводу их будущего [24]. Прогнозирование собственного будущего, которое в нашей культуре ассоциируется, прежде всего, с профессиональным самоопределением, выбором вуза и будущей профессией, является одним из важных маркеров взросления.

В настоящее время юношам и девушкам приходится думать о будущем в быстро меняющемся культурном и социальном контексте. С начала XXI века профессиональная занятость и стабильность, которые давали надежную основу для видения будущего, были заменены новым социальным устройством труда и новой формой занятости. Современный мир труда характеризуется временными формами трудоустройства, отсутствием гарантий занятости, ограниченными по времени проектами, высокой конкуренцией на рынке труда и фрагментированными карьерными путями. С этой точки зрения переход во взрослую жизнь превратился из простого социального детерминанта в индивидуальный личный выбор, встроенный в социокультурные контексты, а критерии достижения взрослости стали более гибкими и субъективными [24]. Будущее «я» может рассматриваться как построение перспективного представления «взрослого» себя с точки зрения надежд и страхов, которые обеспечивают основу для прогнозирования будущих событий, постановки целей, формирования планов, изучения альтернатив, принятия обязательств и управления саморазвитием [22].

Современная ситуация, в которой расширяются институционализированные формы взросления, «бросает вызов классическим психологическим подходам — культурно-историческому и деятельностному» [8],

а жизненный сценарий уже не напоминает безальтернативную «накатанную колею», в которой все было в строгом порядке: образование, работа, семья. Соответственно, важным становится вопрос о последовательности изменений представления о будущем как понимании взросления. Поэтому целью данного исследования стало установление характера возрастных изменений образа собственного будущего в современной социальной и культурной ситуации в период от подростничества до взрослости.

Организация процесса исследования, особенности применяемого инструментария и выборки

Выборка нашего исследования — 1538 человек от 14 до 28 лет (610 юношей и 928 девушек). Респонденты были объединены в четыре возрастные группы в соответствии с основами культурно—исторической психологии и современными тенденциями в психологических исследованиях: подростковый возраст (14 лет — 304 человека), ранний юношеский (15—18 лет — 500 человек), поздний юношеский (19—23 года — 381 человек), возраст молодости или возникновения взрослости (24—28 лет — 383 человека) [3].

Приглашение к исследованию рассылалось через образовательные организации России различного уровня образования. В приглашении содержалась ссылка на исследование, которое можно было пройти на любом персональном компьютере в удобном для респондента месте. Опросник был составлен с использованием сервиса «SurveyGizmo».

Использовались методики «Я через 5 лет» И.С. Кона и «Незаконченные предложения» для определения временной перспективы будущего Ж. Нюттена.

Методика И.С. Кона использовалась для выявления содержательных компонентов прогнозирования будущего участников исследования. Респонденты писали сочинение на тему «Я через 5 лет», без ограничения времени и объема. Пятилетний временной горизонт позволил как отстраниться от настоящих характеристик собственной личности,

так и увидеть обозримую перспективу. Полученные тексты анализировались с помощью статистического программного пакета «R»: был построен граф взаимосвязей, слов, которые респонденты использовали чаще других, и проведен кластерный анализ с использованием метода Уорда. Кластерный анализ сделал возможным группировку из сводного по каждой возрастной группе текста сочинений в подмножества слов с предпочитаемыми респондентами тематиками.

Методика незаконченных предложений Ж. Нюттена использовалась для определения временной перспективы. Респонденты должны были закончить предложенную фразу, написав о своих желаниях, длина высказывания значения не имела. Использовалась версия методики, состоящая из 20 фраз в положительной форме (например, «Я хочу...», «Я надеюсь...») и 10 фраз — в отрицательной («Я не хочу...», «Я боюсь...»). Обработка данных основывалась на рекомендации Ж. Нюттена об использовании только тех временных категорий, которые характерны для конкретной выборки. Для нашей выборки значимыми оказались следующие категории: школа и профессиональное образование (периоды социальной и биологической жизни), профессиональная автономия (в периоде взрослости), открытое настоящее (относится ко всему периоду жизни — как указание на желание обладать определенными качествами, умениями (быть умным, знать в совершенстве иностранный язык и т.д.)). Для обеспечения валидности анализ полученных высказываний реализован пятью экспертами — психологами и педагогами, имеющими научную степень. При расхождении в интерпретации данных результаты обсуждались коллегиально. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью дисперсионного анализа ANOVA. При помощи проведенного анализа были изучены возрастные предпочтения респондентов в выборе временных промежутков.

Результаты исследования

В рамках анализа сочинений на тему «Я через 5 лет» мы получили данные о взаимос-

вязях слов, используемых респондентами при описании собственного будущего чаще всего (рис. 1). В 1538 текстах содержалось 15988 слов. Из анализа были удалены предлоги, имена собственные, числительные и слова, не имеющие смысла.

Рисунок представляет собой среднестатистический образ будущего респондентов от 14 до 28 лет. На графе видно, что взаимосвязи слов носят нелинейный характер и позволяют выделить семантически близкие слова и оценить меру их смысловой близости. В центре графа сходятся много линий взаимосвязи к таким словам, как «могу», «хочу», «надеюсь», «работа», «сделать», «вижу», «цели», «знаю», «возможно», «стану». Соответственно, эти слова чаще всего участвуют в семантических связях, при помощи которых юноши и девушки описывают представление о своем будущем.

Содержательными особенностями образа будущего 14-летних подростков являются следующие. В кластер максимального размера попали «желания и мечты, связанные с будущим, друзьями, мамой, детьми и семьей, занятиями» и т.д. Для подростков эти слова взаимосвязаны, так как попали в один кластер без разделения на тематики. По оси Y этот кластер расположен ниже других, соответственно, имеет подчиненное значение. Вызывает интерес кластер, в котором слово «хочу» объединяет «возможности, жизнь, хорошую работу, хорошего человека». Далее кластер, объединивший слова «надеюсь» и «это», несет такой же масштаб влияния по оси Y, как и слово «хочу». Минимальный размер имеют последние три кластера, содержащие по одному слову. Это слова: «буду», «свое», «лет». Кластер со словом «буду» имеет большое отличие от остальных по оси Y. Это слово связывает все кластеры, представляя собой ядро образа будущего подростков.

Выявлены следующие содержательные особенности образа будущего 15—18-летних юношей и девушек. Максимальный размер имеет кластер, в который попали слова, связанные с учебой в вузе, семьей — замужеством, девушкой, детьми, с мечтами, ра-

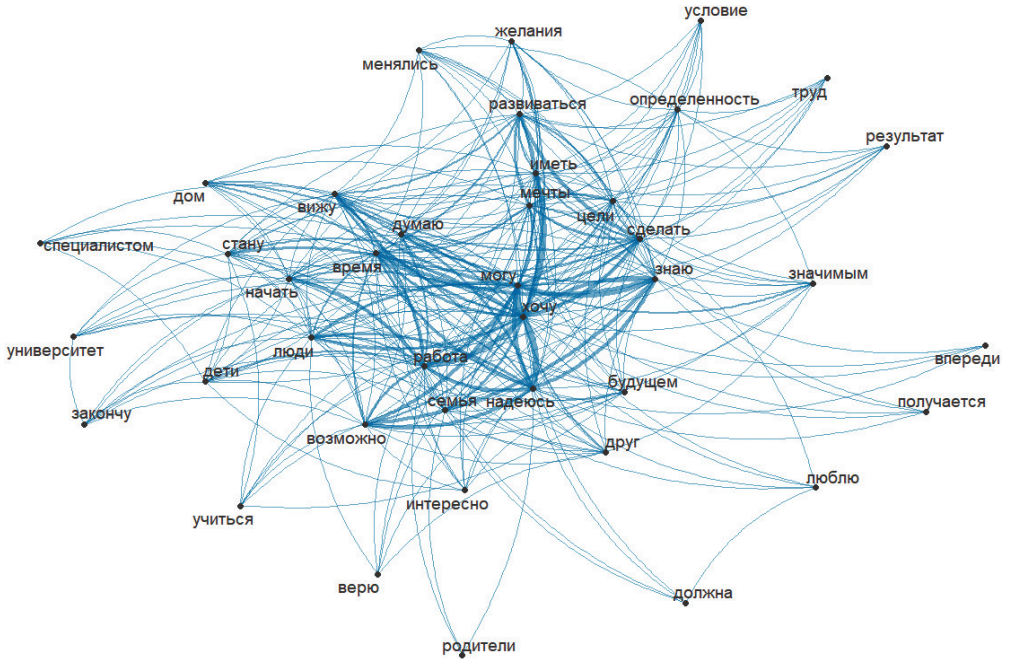

Рис. 1. Среднестатистический образ будущего респондентов от 14 до 28 лет, составленный на основе чаще всего используемых взаимосвязей слов (n=15988)

ботой, интересами, временем и т.д. Три примерно одинаковых по размерам кластера — это: 1) учеба связана с работой, со знаниями, с будущим, усиливаясь словом «очень»;

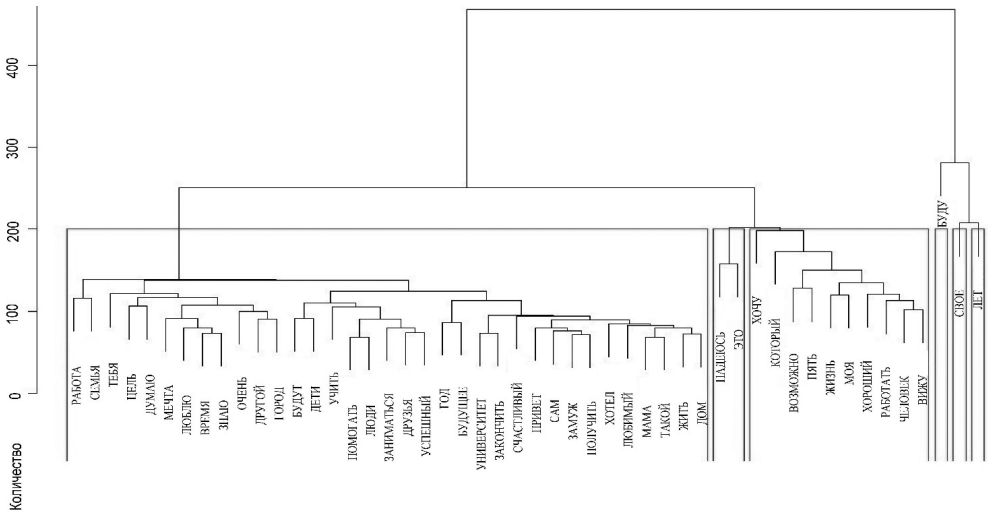

Рис. 2. Дендрограмма использования подростками 14 лет слов в описании будущего, построена с помощью метода Уорда (n=304)

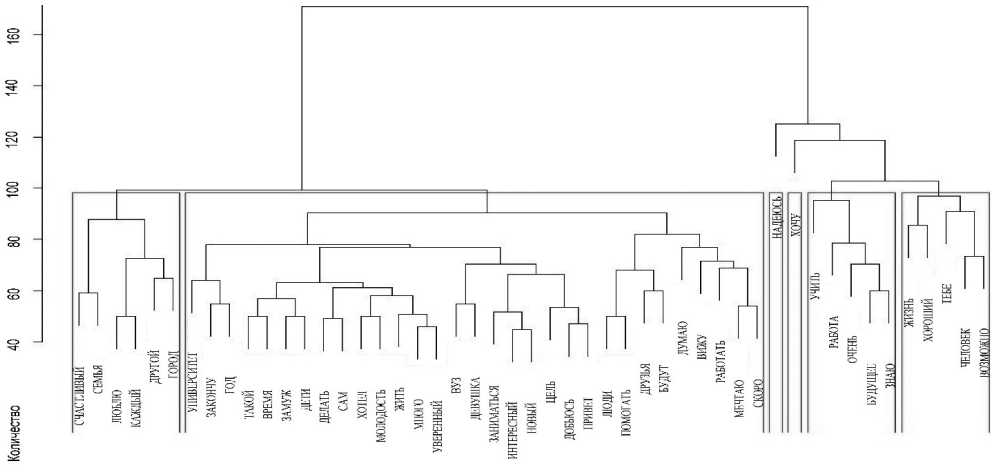

Рис. 3. Дендрограмма использования юношами/девушками от 15 до 18 лет слов в описании будущего, построена с помощью метода Уорда (n=500)

2) объединены слова «хорошая», «жизнь» и «тебя» со словами «возможности» и «человек»; 3) слова «счастливая» — «семья», «любовь» — «каждому» и «другой» — «город». Появился кластер целей, в котором на этом этапе помимо всего прочего фигурирует счастливая семья. Минимальный размер имеют два кластера, содержащие по одному слову: «надеюсь», «хочу». Кластер со словом «надеюсь» имеет большое отличие от

остальных кластеров по оси Y. Это слово связывает первый и второй кластеры с кластером «хочу».

Выявлены следующие содержательные особенности образа будущего 19—23-летних юношей и девушек. Максимальный размер имеет кластер «достижений», где есть хорошая работа, семейные ценности, путешествия, счастье, цели, машина и т.д. Следующий кластер объединил слова «знаю»,

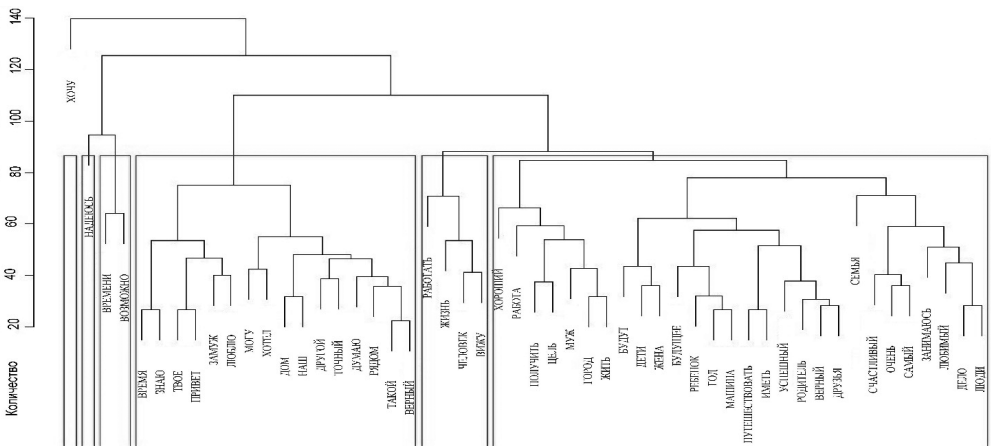

Рис. 4. Дендрограмма использования юношами/девушками от 19 до 23 лет слов в описании будущего, построена с использованием метода Уорда (n=381)

«могу», «думаю», «хотел» со словами «за-муж», «любовь», «дом» и «друг». Минимальный размер имеют два кластера, содержащие по одному слову («надеюсь» и «хочу»), как и у респондентов возраста ранней юности. В отличие от предыдущей возрастной группы слово «хочу» находится выше слова «надеюсь» по оси Y. Это слово связывает все кластеры, представляя собой ядро образа будущего юношей и девушек возраста поздней юности. Далее кластер, в котором работа связывается с жизнью, человеком и видением. Появился кластер, объединивший слова «времени» и «возможности». Соответственно, характеристикой образа будущего в поздней юности становится связывание возможностей со временем.

Выявлены следующие содержательные особенности образа будущего респондентов 24—28 лет. Максимальный размер имеет кластер с взаимосвязями слов: друг — сделать, город и молодость, детскость — большое, уважение, здоровье и здравствуй, возможности — успешность, помогать, иметь, скорость, хотел — заниматься, школа, будущее и удовольствие и т.д. Далее два кластера среднего размера: 1) «жизнь» связана со словами «хочу», «могу», «будут», «развиваюсь», «цели», «мечты» и «время», 2) «кластер надежд», где слово «надеюсь»

связано со словами «дом», «добро», «наше», «все», «думаю», «мечта», «любимая». Кластер, в котором слово «вижу» связано со словами «хорошо», «женщина» и «мама», показывает значимость полоролевых моделей. В следующих двух кластерах в центр попадает работа, в глагольном выражении она связана с детьми, счастьем и интересами, а в виде существительного — с семьей и обращением к себе в будущем. У этой возрастной группы отсутствуют «связующие слова», и все кластеры являются связанными по смыслу и примерно одинаково расположены по оси Y.

Далее при помощи методики незаконченных предложений Ж. Нюттена мы исследовали представления о характеристиках временной перспективы в возрастных группах от подростничества до взрослости. Данные описательной статистики указаны в табл. 1.

Описательная статистика показывает наличие возрастных различий в выделенных характеристиках временной перспективы. Изменения в использовании временных характеристик в зависимости от возраста респондентов представлены на рис. 6.

Период «обучение в школе» чаще используется подростками, и начиная с 15 лет про него говорят уже меньше, в двух старших группах он не употребляется. Период

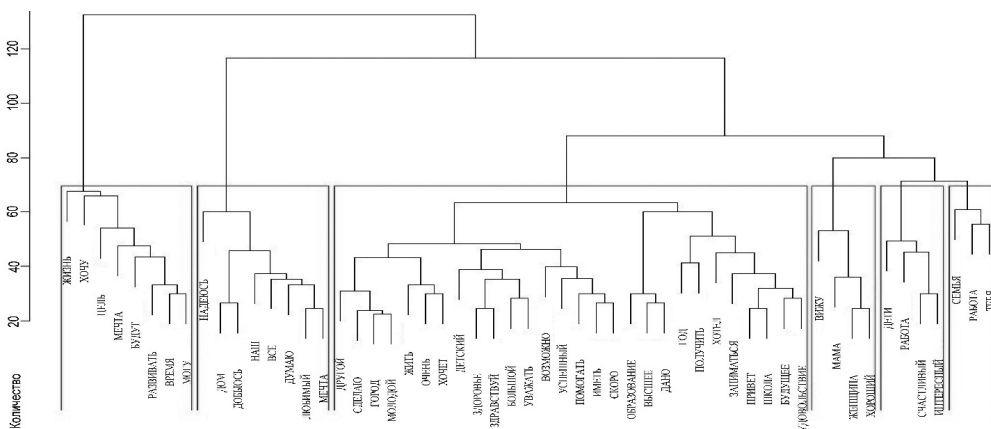

Рис. 5. Дендрограмма использования юношами/девушками от 24 до 28 лет слов в описании будущего, построена с использованием метода Уорда (n=383)

Таблица 1

Описательные статистики характеристик временной перспективы (n=1538)

Возраст	Среднее (кол-во использования)	Стд. отклонение	Стд. ошибка	95% доверительный интервал для среднего	
				Нижняя граница	Верхняя граница
Обучение в школе					
14	2,34	3,07	0,36	1,63	3,06
15—18	0,90	2,24	0,10	0,70	1,11
19—23	0,06	0,31	0,02	0,01	0,11
24—28	0,03	0,16	0,02	-0,01	0,06
Профессиональное обучение					
14	1,11	1,79	0,21	0,69	1,53
15—18	2,93	3,57	0,17	2,60	3,25
19—23	1,89	3,07	0,25	1,40	2,38
24—28	1,54	1,62	0,18	1,17	1,90
Профессиональная автономия (работа)					
14	2,47	4,02	0,47	1,53	3,40
15—18	2,22	2,75	0,13	1,97	2,47
19—23	2,93	2,51	0,20	2,53	3,34
24—28	3,26	3,43	0,39	2,48	4,03
Открытое настоящее					
14	5,25	3,17	0,37	4,51	5,99
15—18	5,38	3,41	0,16	5,07	5,69
19—23	4,99	2,84	0,23	4,53	5,44
24—28	7,00	3,41	0,39	6,23	7,77

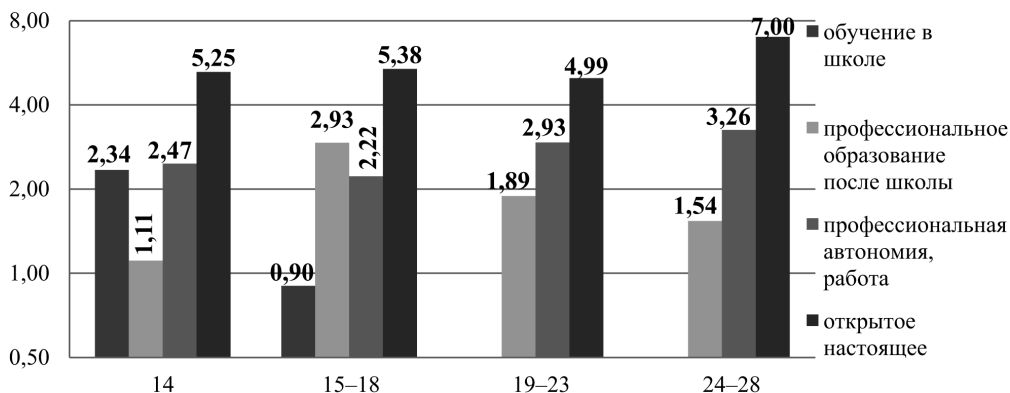

Рис. 6. Возрастные различия в используемых характеристиках временной перспективы (n=1538)

профессионального обучения чаще используется респондентами возраста ранней юности. О «профессиональной автономии» чаще начинают упоминать в поздней юности, еще большее значение эта категория приоб-

ретает в 24—28 лет. Временной период «открытое настоящее» наибольшее значение имеет для периода возникновения взрослости. Дисперсионный анализ подтвердил эти данные (табл. 2).

Таблица 2

Дисперсионный анализ различий в использовании характеристик временной перспективы в зависимости от возраста (n=1538)

Возраст		Временной период			
		обучение в школе	профессиональное образование	профессиональная автономия (работа)	открытое настоящее
14	15—18	0,000**	0,000**	0,912	0,989
	19—23	0,000**	0,316	0,672	0,945
	24—28	0,000**	0,843	0,345	0,006**
15—18	14	0,000**	0,000**	0,912	0,989
	19—23	0,000**	0,003*	0,045*	0,578
	24—28	0,002*	0,002*	0,021*	0,000**
19—23	14	0,000**	0,316	0,672	0,945
	15—18	0,000**	0,003*	0,045*	0,578
	24—28	0,999	0,860	0,858	0,000**
24—28	14	0,000**	0,843	0,345	0,006**
	15—18	0,002*	0,002*	0,021*	0,000**
	19—23	0,999	0,860	0,858	0,000**

Условные обозначения: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$.

В отличие от остальных возрастных групп, подростки рассматривают свое будущее, используя промежуток времени в своем социальном институте ($F(3;766)=26,021$, $p=0,000$). Юноши/девушки возраста ранней юности чаще используют временной промежуток, связанный с профессиональным образованием ($F(3;766)=11,434$, $p=0,000$). Для представителей поздней юности наиболее значимым является временной промежуток, который связан с профессиональной автономией ($F(3;766)=4,267$, $p=0,005$). Респонденты периода возникновения взрослости чаще используют временные категории, не ограниченные временем, а характеризующиеся метафорой «сегодня и постоянно» ($F(3;766)=6,980$, $p=0,000$).

Обсуждение результатов

В данной работе затрагивается тема изменения образа будущего от подростничества до взрослости. Ранее Н.Н. Толстых указывала, что для юношей/девушек 15—18 лет, в отличие от подростков, период обучения в школе имеет меньшую важность [10], а Н.И. Трубникова доказала, что в поздней юности наиболее значимым становится период жизни, связанный с работой [11]. Наше

исследование существенно дополнило эти выводы. Подростки действительно предпочитают временной промежуток в своем социальном институте, при этом юноши/девушки 15—18 лет рассматривают свое будущее в периоде, связанном с профессиональной подготовкой, в отличие от других возрастных групп. В юности наиболее важна профессиональная автономия, но для респондентов 24—28 лет временная перспектива включает категории, не ограниченные временем и характеризующиеся метафорой «сегодня и всегда». При этом наши данные отличаются от выводов А. Сырцовой, согласно которым настоящее время наиболее значимо и для подростничества, и для юности, а будущее — для ранней взрослости [9]. По нашим данным, в возрасте начала взрослости меняется выбор типа временных категорий, и вместо периодов социальной и биологической жизни используются временные категории, относящиеся ко всей жизни, а не к какому-то конкретному периоду. Наши результаты позволяют увидеть изменения, которые происходят в конце юности, при переходе ко взрослым возрастам, чего не было выявлено в предыдущих исследованиях.

В начале взрослости, по мнению А. Сырцовой, приобретаются навыки управления своим временем и выбора целей, возрастает значение достижения поставленных задач [9] как идеального проецирования себя в будущее, мотивирующего личностное развитие [6]. Проведенный нами анализ позволил конкретизировать возрастные изменения в содержательном представлении об образе смыслового будущего.

Образ будущего 14-летних подростков состоит из двух содержательных кластеров: «кластер мечты», в котором собраны все отрывочные представления о взрослости, и «кластер желаний», в котором «хочу» связано с «возможностями» и «хорошими», «жизнью», «работой» и «человеком». Остальные кластеры представляют собой отдельные связующие слова. Их представления о будущем не сформированы, и для них будущее, образно говоря, «случается», а импульсивность подростков, выделяемая А. Сырцовой, показывает не интерес к внешнему виду с игнорированием внутреннего содержания [9], а скорее отсутствие понимания своего будущего как собственной взрослости и осознанной работы по обсуждению и формированию своего будущего.

В образе будущего юношей/девушек 15—18 лет связующими остаются только слова «надеюсь» и «хочу», а самый большой кластер все еще представляет собой набор мечтаний. Но кроме него появляются три четко сформированные отдельные тематики, включающие: профессиональное образование, жизненные возможности и представления о семье. Здесь важно учесть выводы Е. Brianza, В. Demiray о том, что частота высказываний, ориентированных на будущее, и слов, связанных с семьей, положительно связывается с удовлетворенностью жизнью в юности [15].

В образе будущего юношей/девушек 19—23 лет слова «хочу» и «надеюсь» остаются связующими, одновременно появляется взаимосвязь «времени» и «возможностей». Появляются два примерно равнозначных по размеру кластера: «кластер возможностей» и «кластер достижений». В предыдущих исследованиях указывалось на связи между экономическим напряжением, функционированием

семьи и психологическим благополучием [18]. Выявленные изменения связаны со сдвигами в критериях, необходимых для достижения взрослости, которые сегодня больше зависят от зрелости и соблюдения норм, а не от традиционных маркеров, таких как брак или работа.

Образ будущего респондентов 24—28 лет отличается от предыдущих отсутствием связующих слов, все выделенные этой возрастной категорией тематики имеют для них равнозначное значение, и два выделенных кластера связываются с работой. Ранее W. Gunawan, P.A. Creed, A.I. Glendon указывали, что с предположениями о возможности найти работу в будущем связаны: планирование карьеры, производительность и удовлетворенность [22], а возможность трудоустроиться связана с профессиональной уверенностью [21]. Согласно нашим данным, «работа» связана с «семьей» и самим собой в будущем, а также с «детьми», «счастьем» и «интересами». Но кроме тематик, где жизненные планы задаются через видение трудоустройства, образ будущего респондентов этого возраста включает в себя представления о «целях», «надеждах», «половых ролях» и «ценностном будущем».

Выводы

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы об изменениях в представлениях о будущем от подростничества до взрослости:

1. Подростки рассматривают свое будущее, используя в отличие от других возрастных групп период времени внутри своего социального института — «обучение в школе». В представлениях подростков о будущем не прослеживается четко определенных направлений будущего, характерных для старших возрастных групп.

2. В ранней юности будущее рассматривается внутри периода профессионального образования. В образе будущего появляется сфокусированность на трех тематиках: профессиональное образование, жизненные возможности и представления о семье.

3. Период жизни, связанный с профессиональной автономией и работой, становится более значимым в возрасте поздней юности.

Одной из отличительных черт представлений о будущем в возрасте поздней юности является увязывание своих возможностей со временем.

В возрасте возникновения взрослости наиболее значимыми во временной перспективе становятся не ограниченные во времени категории, характеризующиеся метафорой «сегодня и ежедневно». Смыслообразующим в образе будущего для них является трудоустройство, связанное с детьми, семьей, счастьем, интересами и ими самими. Основным ограничением настоящего исследования яв-

ляется неравнозначное количество участников исследования по возрастам. Обнаруженные возрастные различия в представлениях о будущем от подростничества до взрослости имеют принципиальное значение для организации психолого-педагогической работы с юношами/девушками по вопросам профессионального самоопределения. Выявленные изменения в представлениях о будущем являются предметом дальнейшего изучения с целью исследования зависимости полученных выводов от гендерных различий.

Литература

1. Андреева А.Д., Бегунова Л.А., Лисичкина А.Г. Особенности внутренней позиции взрослого у современных учащихся раннего юношеского возраста // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 2. С. 58—69. DOI:10.17759/pse.2023280205
2. Белогай К.Н., Бугрова Н.А. Формирование образа будущего в период юности как проблема профессионального образования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 205—215.
3. Васильева Н.П. Динамика юношеского возраста. Красноярск: Издательство СФУ, Федеральное агентство по образованию, Сибирский федер. ун-т, Ин-т естественных и гуманитарных наук, 2007. 102 с.
4. Егоренко Т.А. Психологическая помощь в профессиональном самоопределении личности на этапе допрофессионального развития: опыт зарубежных стран [Электронный ресурс] / А.В. Литвинова, Т.Н. Березина, А.В. Кокурин, В.И. Екимова // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 61—70. DOI:10.17759/jmfp.2022110306
5. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Факторы психологического благополучия российской молодежи // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 4. С. 24—35. DOI:10.17759/pse.2022270403
6. Костенко Н.Б. Особенности образа будущего у социально дезадаптированных подростков: дисс. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2006.
7. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
8. Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. № 2. С. 5—10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201
9. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 24 с.
10. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7—24. DOI:10.17759/cpp.2015230402
11. Трубникова Н.И. Временная перспектива как важнейший компонент жизненного самоопределения // Мир науки, культуры, образования. 2010. Т. 24. № 5. С. 137—138.
12. Шилова Н.П. Взаимосвязь представлений о будущем и образовательных результатов в юношеском возрасте // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 1. С. 76—88. DOI:10.21702/rpj.2022.1.6
13. Шилова Н.П., Владыко А.К. Современный культурный контекст представлений о будущем в юношеском возрасте // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 103—118. DOI:10.17223/17267080/86/6
14. Baikeli R., Li D., Zhu L., Wang Z. The relationship between time perspective and meaning in life across different age stages in adulthood // Personality and Individual Differences. 2021. 174 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110668
15. Brianza E., Demiray B. Future Time Perspective and Real-Life Utterances. About the Future in Young and Older Adults // GeroPsych. 2019. Vol. 32. № 4. P. 161—173. DOI:10.1024/1662-9647/a000216
16. Effects of time perspective and self-control on procrastination and Internet addiction / Kim J., Hong H., Lee J., Hyun M.H. // Journal of Behavioral Addictions. 2017. Vol. 6. № 2. P. 229—236. DOI:10.1556/2006.6.2017.017
17. Fonseca G., da Silva J.T., Paixa o M.P., Crespo C., Relvas A.P. Future Hopes and Fears of Portuguese Emerging Adults in Macroeconomic Hard Times: The Role of Economic Strain and Family Functioning // Emerging Adulthood. 2020. Vol. 8(6). P. 476—484. DOI:10.1177/2167696819874956journals.sagepub.com/home/eax
18. Future Hopes and Fears of Portuguese Emerging Adults in Macroeconomic Hard Times: The Role of Economic Strain and Family Functioning / Fonseca G.,

- Silva J.T., Paixa M.P., Crespo C., Felvas A.P. // *Emerging Adulthood*. 2020. Vol. 8. № 6. P. 476—484. DOI:10.1177/2167696819874956
19. Future Time Perspective and Self-Control Mediate the Links between Parental Autonomy Support and Adolescents' Digital Citizenship Behavior / Wang H., Geng J., Liu K., We X., Wang J., Lei L. // *Youth & Society*. 2022. Vol. 54. № 6. P. 1077—1096. DOI:10.1177/0044118X211020778
20. Future time perspective: A systematic review and meta-analysis / Kooij D.T., Kanfer R., Betts M., Rudolph C.W. // *Journal of Applied Psychology*. 2018. Vol. 103. № 8. P. 867—893. DOI:10.1037/apl0000306
21. Gunawan W., Creed P.A., Glendon A.I. Development and Initial Validation of a Perceived Future Employability Scale for Young Adults // *Journal of Career Assessment*. 2019. Vol. 27. № 4. P. 610—627. DOI:10.1177/1069072718788645-5
22. Gunawan W., Creed P.A., Glendon A.I. Young adults' perceived future employability: antecedents and consequences // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2021. Vol. 21. P. 101—122. DOI:10.1007/s10775-020-09430-7
23. Jiang T., Gore J.S. The relationship between autonomous motivation and goal pursuit: A cross-cultural perspective // *Asian Journal of Social Psychology*. 2016. Vol. 19. № 2. P. 101—111. DOI:10.1111/ajsp.12115
24. Parola A., Marconetti J. Youth unemployment and health outcomes: the moderation role of the future time perspective // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2022. Vol. 22. P. 327—345. DOI:10.1007/s10775-021-09488-x
25. Przepiorka A., Blachnio A., Cudo A. The role of depression, personality, and future time perspective in internet addiction in adolescents and emerging adults // *Psychiatry Research*. 2019. Vol. 272. P. 340—348. DOI:10.1016/j.psychres.2018.12.086
26. Time perspective, approaches to learning, and academic achievement in secondary students / Janeiro I.N., Duarte A.M., Araujo A.M., Gomes A.I. // *Learning & Individual Differences*. 2017. Vol. 55. P. 61—68. DOI:10.1016/j.lindif.2017.03.007

References

- Andreeva A.D., Begunova L.A., Lisichkina A.G. Osobennosti vnutrennej pozicii vzroslogo u sovremennyh uchashhhsja rannego junosheskogo vozrasta [Features of the Internal Position of an Adult in Modern Students of Early Adolescence]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2023. Vol. 28, no. 2, pp. 58—69. DOI:10.17759/pse.2023280205 (In Russ.).
- Belogaj K.N., Bugrova N.A. Formirovanie obraza budushhego v period junosti kak problema professional'nogo obrazovanija [Formation of the image of the future in the period of youth as a problem of vocational education]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2018, no. 43, pp. 205—215. (In Russ.).
- Vasil'eva N.P. Dinamika junosheskogo vozrasta [The dynamics of adolescence]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo SFU, Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Sibirskij feder. un-t, In-t estestvenny'x i gumanitarny'x nauk = SFU Publ., Federal Agency for Education, Siberian Federal University. un-t, Institute of Natural Sciences and Humanities, 2007. 102 p. (In Russ.).
- Isaeva O.M., Akimova A.Ju., Volkova E.N. Faktory psikhologicheskogo blagopoluchija rossijskoj molodezhi [Factors of psychological well-being of Russian youth]. *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2022. Vol. 27, no. 4, pp. 24—35. DOI:10.17759/pse.2022270403 (In Russ.).
- Egorenko T.A. Psihologicheskaja pomoshh' v professional'nom samoopredelenii lichnosti na jetape doprofessional'nogo razvitiija: opyt zarubezhnyh stran [Psychological assistance in professional self-determination of a person at the stage of pre-professional development: the experience of foreign countries]. *Sovremennaja zarubezhnaja psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 3, pp. 61—70. DOI:10.17759/jmfp.20221103006 (In Russ.).
- Kostenko N.B. Osobennosti obraza budushhego u social'no dezadaptirovannyh podrostkov [Features of the image of the future in socially maladapted adolescents. Ph. D. (Psychology) diss.]. Barnaul, 2006. (In Russ.).
- Levin K. Teorija polja v social'nyh naukah [Field theory in social sciences]. St. Petersburg: Publ. Rech', 2000. 368 p. (In Russ.).
- Polivanova K.N. Detstvo v menjajushhemsja mire [Childhood in a changing world]. *Sovremennaja zarubezhnaja psihologija = Modern foreign psychology*, 2016, no. 2, pp. 5—10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201 (In Russ.).
- Syrcova A. Vozrastnaja dinamika vremenoj perspektivy lichnosti [Age dynamics of the time perspective of personality. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2008. 24 p. (In Russ.).
- Tolstyh N.N. Sovremennoe vzroslenie [Modern adulthood]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija = Consultative psychology and psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 7—24. DOI:10.17759/cpp.2015230402 (In Russ.).
- Trubnikova N.I. Vremennaja perspektiva kak vazhnejshij komponent zhiznennogo samoopredelenija [Time perspective as the most important component of life self-determination]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija = The world of science, culture, education*, 2010. Vol. 24, no. 5, pp. 137—138. (In Russ.).

12. Shilova N.P. Vzaimosvjaz' predstavlenij o budushhem i obrazovatel'nyh rezul'tatov v junosheskom vozraste [Interrelation of ideas about the future and educational results in adolescence]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2022. Vol. 19, no. 1, pp. 76—88. DOI:10.21702/rpj.2022.1.6 (In Russ.).
13. Shilova N.P., Vladyko A.K. Sovremennyj kul'turnyj kontekst predstavlenij o budushhem v junosheskom vozraste [The modern cultural context of ideas about the future in adolescence]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2022, no. 86, pp. 103—118. DOI:10.17223/17267080/86/6 (In Russ.).
14. Baikeli R., Li D., Zhu L., Wang Z. The relationship between time perspective and meaning in life across different age stages in adulthood. *Personality and Individual Differences*, 2021. 174 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110668
15. Brianza E., Demiray B. Future Time Perspective and Real-Life Utterances. About the Future in Young and Older Adults. *GeroPsych*, 2019. Vol. 32, no. 4, pp. 161—173. DOI:10.1024/1662-9647/a000216
16. Kim J., Hong H., Lee J., Hyun M.H. Effects of time perspective and self-control on procrastination and Internet addiction. *Journal of Behavioral Addictions*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 229—236. DOI:10.1556/2006.6.2017.017
17. Fonseca G., da Silva J.T., Paixa'o M.P., Crespo C., Relvas A.P. Future Hopes and Fears of Portuguese Emerging Adults in Macroeconomic Hard Times: The Role of Economic Strain and Family Functioning. *Emerging Adulthood*, 2020. Vol. 8(6), pp. 476—484 DOI:10.1177/2167696819874956journals.sagepub.com/home/ea
18. Fonseca G., Silva J.T., Paixa M.P., Crespo C., Relvas A.P. Future Hopes and Fears of Portuguese Emerging Adults in Macroeconomic Hard Times: The Role of Economic Strain and Family Functioning. *Emerging Adulthood*, 2020. Vol. 8, no. 6, pp. 476—484. DOI:10.1177/2167696819874956
19. Wang H., Geng J., Liu K., We X., Wang J., Lei L. Future Time Perspective and Self-Control Mediate the Links between Parental Autonomy Support and Adolescents' Digital Citizenship Behavior. *Youth & Society*, 2022. Vol. 54, no. 6, pp. 1077—1096. DOI:10.1177/0044118X211020778
20. Kooij D.T., Kanfer R., Betts M., Rudolph C.W. Future time perspective: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Applied Psychology*, 2018. Vol. 103, no. 8, pp. 867—893. DOI:10.1037/apl0000306
21. Gunawan W., Creed P.A., Glendon A.I. Development and Initial Validation of a Perceived Future Employability Scale for Young Adults. *Journal of Career Assessment*, 2019. Vol. 27, no. 4, pp. 610—627. DOI:10.1177/1069072718788645-5
22. Gunawan W., Creed P.A., Glendon A.I. Young adults' perceived future employability: antecedents and consequences. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 2021. Vol. 21, pp. 101—122. DOI:10.1007/s10775-020-09430-7
23. Jiang T., Gore J.S. The relationship between autonomous motivation and goal pursuit: A cross-cultural perspective. *Asian Journal of Social Psychology*, 2016. Vol. 19, no. 2, pp. 101—111. DOI:10.1111/ajsp.12115
24. Parola A., Marcionetti J. Youth unemployment and health outcomes: the moderation role of the future time perspective. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 2022. Vol. 22, pp. 327—345. DOI:10.1007/s10775-021-09488-x
25. Przepiorka A., Blachnio A., Cudo A. The role of depression, personality, and future time perspective in internet addiction in adolescents and emerging adults. *Psychiatry Research*, 2019. Vol. 272, pp. 340—348. DOI:10.1016/j.psychres.2018.12.086
26. Janeiro I.N., Duarte A.M., Araujo A.M., Gomes A.I. Time perspective, approaches to learning, and academic achievement in secondary students // *Learning & Individual Differences*. 2017. Vol. 55. pp. 61—68. DOI:10.1016/j.lindif.2017.03.007

Информация об авторах

Шилова Наталья Петровна, кандидат психологических наук, заместитель начальника Управления, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1511-840X>, e-mail: npshilova@outlook.com

Information about the authors

Natalia P. Shilova, PhD (Psychology), Deputy Head of Department, Federal Service for Supervision of Education and Science of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1511-840X>, e-mail: npshilova@outlook.com

Получена 18.07.2023

Принята в печать 25.08.2023

Опубликована 14.09.2023

Received 18.07.2023

Accepted 25.08.2023

Published 14.09.2023